

Л. ЖУКОВА

Чувство жанра

О спектаклях Чкаловского драматического театра

Положение единственного в городе драматического театра обязывает ставить пьесы самого различного характера, стиля, жанра. Вот почему на афише Чкаловского областного драматического театра значатся Горький и Гольдсмит, историческая драма и веселый, беспечный водевиль. Разные авторы, разные пьесы, разный мир образов, чувств, конфликтов — значит и жанрово разнообразие спектакли. Как же понимает театр свои задачи в воплощении жанра произведения?

Жанр, как известно, понятие живое, развивающееся. Правда, есть у нас еще ревнители канонически безупречной «чистоты жанра»: трагедия — так трагедия, драма — так драма, комедия — так комедия. На самом деле все обстоит вовсе не так просто.

К нашим режиссерам часто предъявляется претензия, что они не находят «ключей» к жанру, что ими потеряно «чувство жанра». Но существуют ли в природе такого рода универсальные «ключи», и что представляет собой «чувство жанра»?

Понски жанра спектакля самым непосредственным образом связаны с мировоззрением драматурга, с идейной программой его творчества. Прежде всего важно, что видит писатель в жизни, какие именно явления действительности заставляют его взяться за перо. Выбор жанровых красок предопределен отношением художника к окружающему миру, его видением и оценкой жизненных явлений.

Причисление пьесы к тому или иному жанровому виду — к комедии либо к драме — само по себе еще не определяет жанрового решения спектакля. В самом деле, великое множество пьес объединено этим обидим для них видовым признаком! Комедия Толстого непохожа на комедию Грибоедова, юмор Чехова не спутаешь с гоголевским сарказмом. Искать жанровые черты спектакля за пределами всего комплекса художественной индивидуальности автора, включающей в себя и самый отбор жизненного материала, и его осмысление, и особую, самобытную авторскую манеру, — путь формальный и ложный. Жанровая определенность и яркость спектакля — это одновременно его идейная ясность и полнота.

Обратимся к спектаклям Чкаловского театра.

В пьесе В. Пистоленко «Емельян Пугачев» оживили события мятежного «оренбуржья». Хорошо, что театр обратился к произведению местного автора, к историческому прошлому своего края. Плохо, что он не сумел довести эту работу с драматургом до конца и добиться прочного успеха. Поставленный чкаловцами два года тому назад, спектакль «Емельян Пугачев» прожил недолгую жизнь и давно сошел с репертуара. В чем корни этой неудачи?

Многое в спектакле было примечательно — и стремление к психологической глубине образов и тонкая разработка отдельных эпизодов. Но ошибки пьесы, далеко не маловажные и не случайные, театр не преодолел — большого героического спектакля не получилось. И дело не в том, что театр не нашел торжественную рамку для героической темы, что в спектакле не гремели фанфары и трубы. Недостаток спектакля был в том, что столкновение Пугачева с верхушкой яицкого казачества, со «старшинской стороной» заняло в нем непомерно большое место, заслонив подлинные исторические причины гибели великого народного дела. Исторический конфликт восставшего народа с помещичьим государством оказался в тени — в центр действия переместились «придворные» интриги завистников против поднявшегося к власти «мужицкого царя». Ошибочность авторской концепции повлекла за собой жанровую разноголосицу спектакля. В нем зазвучали и сентиментальный надрыв и элементы детектива. Выспренность мелодрама вытеснила героку.

С новыми для себя задачами встретился Чкаловский театр в спектакле «Дикарка». Пьеса почти не шла в наши дни, сценическая ее история слабо освещена печатью. Все это незаслуженно. И уже одно то, что театр увидел в пьесе А. Островского и Н. Соловьева произведение большой темы, а не бездумный водевиль, как это мнилось реакционной критике прошлого, говорит о том, что «Дикарка» прочитана «новыми и свежими» глазами.

«Дикарка» — бытовая комедия. Что скрывается за этим определением жанра пьесы?

Театр (режиссер И. Щеглова) творчески подошел к жанровому решению спектакля. Рамки бытовой комедии раздвигаются там, где закономерно вступает драматическая тема, где сами ситуации, характеры, отношения диктуют те или иные выразительные средства. Но элементы драматизма не вытесняют комедийное начало, не нивелируют жанр. Актеры играют «Дикарку» ярко, комедийно, но юмор в спектакле органичен, необходим — он служит прежде всего раскрытию конфликта. Комедийные ситуации спектакля рождаются в столкновении цинической общественной «морали» пошлого «здравомыслия» с чистым и прямодушным восприятием мира героиней пьесы.

Некогда «Дикарку» считали пьесой одной роли. Образ чудесной русской девушки Вари Зубаревой, выросшей среди лесов и полей, не случайно привлекал к себе внимание выдающихся актрис дореволюционной сцены. В. Ф. Комиссаржевская создавала в образе Вари целый мир поэтических юных мечтаний и чувств. Но за пьесой все же попрежнему оставалась слава не то водевиля, не то фарса. Дореволюционный театр проходил мимо ее острого социального конфликта.

Внимание чкаловцев было обращено на разработку всех образов пьесы, сталкивающихся в ее живом действенном сюжете. Без Ашметьевых, этих «эстетствующих дармоедов», без краснобайствующего стяжателя Вершинского, без прозаического Малькова — нет, по существу, и столкновения Вари с действительностью, нет борьбы живого человеческого чувства с поизносившимися страстишками «джентльменов». Жанровое решение образа Вари найдено молодой актрисой А. Покидченко именно в этом столкновении сил. Варя в ее трактовке не первобытное «дитя природы», не просто паявная, размечтавшаяся девчонка, а пытливый, думающий человек, испытывающий на наших глазах первое жизненное разочарование. Дело не в любовной драме Вари. Оскудевший пошляк и фразер Ашметьев, беспощадно осмеянный в пьесе, для которого «пора восторгов прошла безвозвратно», скорее фарсовый персонаж, чем герой